

Вадим Веренич

**Семиотическое
исследование права
в контексте
постмодернизма**

Вадим Веренич

**Семиотическое исследование
права в контексте постмодернизма**

«Издательские решения»

2014

Веренич В.

Семиотическое исследование права в контексте постмодернизма /
В. Веренич — «Издательские решения», 2014

ISBN 978-5-457-65523-2

Данная работа представляет собой черновые заметки к монографии на тему
юридической семиотики

ISBN 978-5-457-65523-2

© Веренич В., 2014
© Издательские решения, 2014

Содержание

Введение	6
Семиотическое исследование права в контексте постмодернизма	7
Отступление 1	8
Отступление 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Семиотическое исследование права в контексте постмодернизма Вадим Веренич

© Вадим Веренич, 2014

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Введение

Задача и структура исследования.

В предлагаемой работе рассматривается проблема существования возможных связей между традицией семиотического изучения права и семиотикой тартуско-московской школы семиотики. Соответственно говоря, основное внимание будет уделено описанию тех тщательно выбранных приемов и понятий из семиотического арсенала тартуско-московской школы, которые «работают» при описании права (например, понятия нормы и нормального, запрета и нарушения запрета, текста культуры и связанного текста). Экстраполяция и использование этих понятий и приемов в описании права может принести существенную пользу как для правоведения, так и семиотики, обогащая теоретический аппарат аналитической юриспруденции со одной стороны, и методологический багаж семиотики права, с другой. В структуре работы отражается переход от общих вопросов к конкретным проблемам. В введении затрагиваются общие вопросы семиотики права – связи с постмодернистским дискурсом права и семиотической теорией. Задача этой главы – дать представление об общем фоне семиотики права и о базовых концепциях, которые интегрируют семиотику права в другие отрасли теоретического правоведения. Первая часть посвящена диахроническому и синхроническому (историческому) описанию современных семиотических штудий права и основных парадигм семиотики права. Роль этой части состоит в том, чтобы на примере сравнительного анализа истории, эволюции и тезисов каждой из современных традиций семиотики права выявить общее ядро и механизм «сцепления» семиотического и юридического аспектов правовой семиотики. Выявленный механизм ляжет в основу аналитической модели, примененной во второй, основной части исследования. В этой части сопоставляется ряд юридически релевантных понятий и приемов, описанных в семиотических трудах тартуско-московской школы, их историческое развитие, и последующее отражение в избранных трудах отдельных эстонских и русских юристов. Цель анализа — попытка выявления самостоятельной традиции тартуско-московской семиотики права.

Семиотическое исследование права в контексте постмодернизма

Постмодернизм, позитивизм и натурализм — семиотическая точка зрения

Идеологическая трансформация неоконченного проекта правового модернизма в постмодернистский правовой модернизм ознаменована критикой модернистской элитарности, тяги к проведению параллелей между автономной сферой искусства (в частности, архитектуры) и другими областями человеческой деятельности. Прежде всего, бросается в глаза самая яркая черта модернизма – боязнь идеологического, политического, морального «загрязнения» искусства, страх перед «низкой», контаминированной культурой. В качестве основной задачи искусства модернисты видели прорыв за пределы существующих форм, стремлении к трансценденции (Boyle 1991:481), противопоставляя консерватизму прошлого новизну эстетических ценностей «современной культуры». Само собой разумеется, что, учитывая тягу модернистов к искусству, модернистский проект права воздал должное архитектоники правовой реальности, предложив в лице своего наиболее яркого представителя Г. Кельзена пресловутую модель пирамиды правовой системы, отображающую «чистую» теорию права, очищенную от посторонних влияний. Американский и скандинавский правовой реализм, несмотря на все свое неприятие чистой теории права (заклейменного как трансцендентальный нонсенс), вместе с тем имеет ряд чисто модернистских характеристик. В частности, правовые реалисты указывали на то, что ортодоксальная форма юридических прав и форма догматической аргументации пренебрегают соображениями целесообразности, поскольку не имеют выхода на конкретную социальную информацию (Cohen 1935). Проблема в том, что догматика права не выходит за рамки правового, оставляя в тени социальный контекст. Поэтому, подобно Гансу Кельзену, правовые реалисты пытались выйти за пределы юридической казуистики, хотя и иным путем. Избавление права от «скверны» для реалиста заключалось не в метафизике трансцендентальных норм, а в изучении социальной функции права, очищении права от шелухи догматических фигур и формул. Но как не странно, рафинируя правовую мысль и отсекая все ненужное, модернисты оказали сами себе медвежью услугу. Благодаря эстетическому рафинированию правовой материи, модернистская теория права пришла к тому, чего больше всего боялась – потере почвы под ногами. Разрушив столпы классической юриспруденции, осмеяв римское право и традицию *jus naturale*, юристы эпохи модернизма были вынуждены полагаться только на позитивное право. Более того, подобное подмывание фундамента под зданием установленных правовых форм, по мнению некоторых ученых, привела не только к краху самого модернистского проекта права, но и к юридическому нигилизму, напрямую приведшего к фашизму. Действительно, преклонение перед правовым позитивизмом, характерное для модернистской программы права воспитала поколение юристов, ставящих букву закона превыше всего. Правовой дискурс юристов этой эпохи ограничивался анализом действующих текстов права и восхвалением стоящей за ними идеологии (т. н. легализма). Таким образом, правовед довоенной эпохи отличает непоколебимая вера в единственность возможности постижения права через текст права, подобно тому, как представление о замысле ваятеля можно получить, лишь разглядывая его творение. Экономические, социальные и политические потрясения, которые испытала Европа во время второй мировой войны, были одновременно тяжелым испытанием и для крайнего позитивизма модернистской юриспруденции. Как следствие, плеяда теоретиков права (Г. Л. А. Харт, Л. Л. Фуллер), определявших ход развития юридической теории в послевоенной Европе, подвергла суровой критике радикальный позитивизм юристов 30-ых годов.

Отступление 1

Лучшим примером крайнего позитивизма является юриспруденция третьего Рейха, главный представитель которой Густав Радбрух отрицал моральную, субъективную сторону права. Закон суров, но это закон – эта латинская юридическая сентенция получила второе рождение в идеологии права нацистского режима (*Gesetz als Gesetz*). По мнению профессора Г. Л. А. Харта, приверженность представителей немецкой правовой профессии духу позитивизма привела к неспособности сопротивляться преступлениям фашизма. Поэтому, даже те юристы, которые открыто никогда не поддерживали нацистов, были вынуждены следовать политической конъюнктуре. Например, ученик Г. Кельзена – Альфред Вердросс – вписал в свой классический труд по международному праву «*Völkerrecht*» (1937) типично национал-социалистический тезис о том, что индивид не может существовать вне коллективной общности (народа, класса, семьи), поэтому он должен руководствоваться волей этой общности.

Однако с точки зрения Артура Кауфманна, как раз наоборот, немецкая правовая мысль эпохи 30–40 годов была строго антипозитивистской. Один из известнейших юристов той эпохи Карл Ларенц, основатель «юриспруденции ценностей» и автор многих хрестоматийных работ по теоретической и практической юриспруденции, в 1934 заклеил юридической позитивизм как «воплощение интеллектуальной интервенции».

После войны немецкая юриспруденция понесла за верность букве закона расплату, поскольку право поверженного Рейха было признано потерявшим свою силу. По стране прокатился ряд процессов наподобие процесса по которому вынес высший земельный суд в Бамберге (27.07.1949), где рассматривалось дело жены, которая во времена национал-социализма написала донос на своего мужа, потому что тот критиковал поступки фюрера. В то время критические замечания в адрес Гитлера могли легко стать составом преступления, и жена, будучи законопослушной гражданкой, донесла о поведении мужа властям. В течении короткого времени муж был арестован, осужден и казнен. После войны она столкнулась лицом к лицу с обвинением в пособничестве лишению человека свободы (примерный перевод немецкого юридического термина *rechtswdrige Freiheitsberaubung*). Обвинение было вынесено на основании одной из статей немецкого уголовного кодекса 1871 года. Защита пыталась обойти эту статью, аргументируя законность поступка женщины действующими в нацистское время инструкциями, однако суд отклонил этот довод на основании того что, эти инструкции и нормативные акты противоречили представлению о правосудии и морали. Понятно, что действующее право было дискредитировано зверствами нацистского режима, и, в отсутствие моральной поддержки позитивного права, судьи волей-неволей обратились к традиции натурального права. Потеря общественного признания дискредитированной правовой системы и уважения к правосудию заставило немецких юристов в срочном порядке перекраивать практически всю правовую систему. Лон Фуллер, дичкутируя с Хартом по поводу кризиса позитивизма, защищает взгляды послевоенного поколения немецких юристов (особенно Г. Радбруха, который изменил свои взгляды после войны). По его мнению, за кризисом действующего права в Германии конца 40-ых годов, стоит не дилемма полного разграничения несоприкасающихся друг с другом понятий права и морали, а дилемма выбора между просто порядком и доброкачественным порядком (Fuller 1958:657). Ведь гораздо проще оперировать взаимосвязанными понятиями, чем понятиями, между которыми сложно установить контакт.

Очевидно, что модернистскую программу права погубила потеря социального и культурного контекста и приоритет абстрактных норм над реальными социальными отношениями.

ями. Естественным будет предположить, что наличие культурного и социального контекста в конкретных ситуациях – своего рода индекс гибкости общества в том случае, когда общество в целом характеризует косность и жесткость (Offe 1987). Именно социальный контекст правовых конструкций позволяет экспериментировать с инновационными формами социальных отношений (дерегуляция, контракт), т. е. позволяет по-творчески подойти к возможности интердисциплинарного, новаторского синтеза различных методов, парадигм, эпистем, социальных практик, процедур. Наиболее четко проникновение постмодернистского начала в область правотворчества заметно в сферах охраны окружающей среды, единой сельскохозяйственной политики в рамках Евросоюза, публичноправовой и частноправовой этики, расширения гражданских свобод с помощью «хартий», глобализация и интернационализация нормотворчества в отрасли экономического и финансового права (Clam, Martin 1998).

Это открывает дорогу к представлению о правовом плюрализме, правовом релятивизме. В глазах постмодерниста модернистская модель права как иерархической пирамиды теряет свою ценность, уступая дорогу сложной, многоуровневой, но далеко не иерархической, модели права, которую скорее можно было бы уподобить ячейкам внутри вавилонской башни, внутри которой перемешены различные стили, стратегии, воззрения, объекты, тексты и далеко не тождественные друг другу прочтения этих текстов. Поэтому актуальность исследований в области семиотики права оправдывается популярностью современного, постмодернистского анализа права (особенно в виде *multi level approach*) [1], т. е. многоуровневой теории права: в контексте этого подхода, семиотика права сводится к одному из метауровней описания, метаязыков права. Действительно, факт признания ведущими современными теоретиками права многоярусности или права подтверждает приверженность теоретиков права общему постмодернистскому настрою академической дискурсии о сущности права. Поэтому характеристики постмодернистской парадигмы права будут одновременно фоновыми характеристиками самой семиотики права, ее теоретической подоплекой.

Даже в теоретическом разрезе нельзя говорить об аналитической однородности правовой мысли постмодернизма, ведь отсутствует само понимание того, какие же течения составляют костяк постмодернистского подхода. Для немецких теоретиков права таковыми, без сомнения, будут новая риторика, теория правового дискурса, учение о правовой аргументации и системная теория. Однако ученые англоамериканского правового пространства резервируют статус «постмодернистский» за критическим движением права, деконструктивизмом, феминизмом и **семиотикой**.

Описывая состояние правовой мысли в условиях постмодерна, Жак Шевалье отметил, что кризис незаконченного модернистского проекта в рамках теории права вызвал ситуацию, когда под постмодернизмом понимается скорее антимодернизм, чем гипермодернизм (т. е. развитие модернизма). Поэтому-то переход от «юридического модерна» к постмодерну ознаменовала «смена парадигмы», (но не права в широком смысле этого слова, а скорее теории), своего рода «квантовый скачок»: юридический постмодернизм воспринимается как отрицание модернизма; пытаясь преодолеть модернистскую систему ценностей, интеллектуальный режим модернизма, постмодернизм отсылает к прошлому (Douzinas & Warrington 1991:14), отрицая понятие самой правовой системы, подвергая сомнению любую идеологизирующую интеллектуальную деятельность, ведущую к гомогенности и открывая тем самым новые неизведанные области маргинального.

В самом сжатом виде сущность постмодернистского понимания права отражают следующие ключевые слова: текучесть, постоянное изменение, рассеяние, множественность, локализм, комплексность и глобализм (А. Ж. Арно), анархия (Р. Мюллерсон), поливалентность и парадокс (М. Делма-Марти), переход от линейной модели времени к циклическому времени (Ф. Ост). Вместе с тем постмодернизм переосмысляет многие концепции модернизма и включает их в свой теоретический аппарат, являясь в этом смысле развитием модер-

низма. Так, например, постмодернистское правоведение унаследовало от модернизма модели юридического силлогизма, технику экзегезиса правового текста и пирамидальную модель источников. Эти традиционные модели современное правоведение комбинирует с чисто постмодернистскими по своему очертанию концепциями: принципом пропорциональности в административном и уголовном праве, творческой интерпретацией нормативного текста, сетевой моделью права. С другой стороны многие понятия, по умолчанию считающиеся постмодернистским (плюрализм, консенсуализм, «гибкое» право, арбитраж), на самом деле существовали задолго до появления постмодернизма. Особенность постмодернистского подхода к анализу права состоит в том, что в условиях постмодернизма происходит очевидное переключение внимания с нормативных и процедурных аспектов права либо на метанормативные и интернормативные, либо на коммуникативные характеристики правовой деятельности, причем интеграция разнородных атрибутов правовой деятельности достигается благодаря попытке синтеза правовой догматики и социальной философии. Постмодернистский исследователь права, описывая тенденции развития современного общества, стремится придумать новые формулировки классических понятий, и при этом не оторваться от фактов. В результате, как правило, подобные исследования увенчиваются декларативными утверждениями о скором «пришествии» постмодернистского общества, чье появление постмодернистская юриспруденция приближает с помощью «магии» дискурса.

Немаловажное влияние на этот синтез оказывают заимствования из теории сложных систем, которая весьма гармонически переплетается с материей правовой мысли, которая предполагает множественность и разнообразие конституирующих элементов в праве. Примером подобного подхода является теория игр в том виде, в каком она применяется в объяснению чисто правовых феноменов.

В самом идеальном случае синтез означал бы установление диалога между правовыми науками и другими науками. Но тут встает вопрос – готово ли право со одной стороны, и наука с другой, к такому диалогу? Социолог права Р. Коттерел отвечая на подобный вопрос признает за правом существенную абсорбирующую способность к интеграции и заимствованию новых доктрин, новых идей в периоды научного кризиса в области правоведения. В качестве иллюстрации критического положения в современной теоретической юриспруденции можно упомянуть маргинальное положение юридического дискурса терроризма.

Отступление 2

Запутанность правовой трактовки терроризма обусловлена тем, что чисто политический акт насилия, каким является терроризм, рассматривается с позиций системы юридической мифологии, которая проводит четкую демаркационную линию между законом/ (право) порядком и противозаконным поведением/беспорядком. Терроризм лишается своей политической вуали, превращаясь тем самым к обычную преступную деятельность, преступление против государств. Действительно уловить тонкое отличие терроризма — преступления в о имя политической идеи – от простого преступления очень сложную. Поэтому догматические фигуры, юридические модели терроризма в кодексах различных стран не тождественны друг другу. В эстонском уголовном кодексе вообще отсутствует юридическое определение терроризма – статьи 64¹ и 65 ограничивает лишь круг террористических действий и предусматривает за эти действия санкции. Романтический дух революции или пафос борьбы за национальное самоопределение – те иррациональные факторы, которые рациональный правовой дискурс старается оставить без внимания. Поэтому становится понятно, почему например, в свое время испанский министр юстиции обратился к французскому правительству с просьбой рассматривать деятелей террористической организации басков ETA именно как обычных, а не политических преступников (Alsina 1984). Такая же ситуация сложилась и в современной России по отношению к чеченским террористам. Семиотическое ключ к решению проблемы правовой трактовки терроризма подразумевает анализ механизма переключения между разными типами дискурсами терроризма.

В целях понимания специфики семиотического анализа права, стоит сказать пару слов и о методологии постмодернистского исследования права, главным образом маргинальной техники синтеза, гибридизации юриспруденции и внешних наук. Выбор подобной методологической базы оправдан кризисом современной правовой догматики и истощением традиционной методологии права. Привлечение инородных методик и приемов анализов расширяет горизонт правовой науки, демистифицируя и демифологизируя многие сакральные для юристов понятия. В отдаленной перспективе синтез методологий способен привести к более полному пониманию сущности права. В принципе существует большое количество способов сочетания методологии различных дисциплин. Несмотря на все многообразие этих способов, в разрезе постмодернистского дискурса права известные философы права Ост и ван де Керхове сводят всевозможные способы к трем типам «скрещивания» анализа чисто юридических явлений с изучением метаюридических и инфраюридических феноменов права:

- плюрадисциплинарность – внутри одной и той же дисциплины наличествует, наряду с комплексом «коренных» дискурсов, множество дискурсов, новых точек зрения на объект исследования этой дисциплины, научная мотивация которых черпается из инфраюридических (внеправовых) областей знания. Бесспорно, под этого определение лучше всего подходит постмодернистская философия права, особенно концепция «мультилегализма», предложенная в 1998 году французом Этьенном Ле Руа. Корни этой теории простираются за пределы рамок сферы правовых наук, выходя на рубежи системной теории, постмодернистской идеи плюрализма дискурсов (ср. «полифонию», диалогизм Бахтина и развитие его идей в трудах французских постструктуралистов), юридической антропологии и социологии П. Бурдьё. [2] Кроме того, Этьенн Ле Руа вполне в постмодернистском духе пытается свести к нулю элемент статики в анализе динамических аспектов права, подчеркивая текучесть права.

- **интердисциплинарность** – в рамках интердисциплинарного анализа объяснение правовых понятий и явлений с внутренней позиции чисто правовых наук дополняется привлечением выкладок, концепций и эмпирического материала т. н. «внешних», неюридических наук. Классическим примером служит социология права, где кроме чисто эмпирических исследований законодательной деятельности, существенным весом обладает теоретическое осмысление этих исследований (например, Хенн Кяярк в своих работах (Käärik 2000, 2001) анализирует механизмы законодательства с позиций системной теории автопоэзиса Варела, Матурана, Луманна, Тойбнера). В историческом аспекте, интердисциплинарный метод частично позволяет проанализировать кризис правового модернизма и переход к постмодернизму, сопоставляя кризис права с общим коллапсом модернистской науки, приведшему к возникновению теории относительности Эйнштейна, принципа неопределенности Гейзенберга, теоремы незавершенности К. Гёделя, концепции диссипативных структур Пригожина, уже неоднократно упомянутой теории автопоэзиса Варела и Матурана, идеи имплицитного порядка Бома.

- **трансдисциплинарность** – понятия и явления, изучаемые одной наукой переносятся в сферу другой науки, где они благодаря переосмыслению получают новое значения. Например, семиотика права описывает типичные правовые явления – нормы, запреты, дозволения, правовой кодекс – исходя из научного контекста семиотики. Поэтому понятия права в семиотическом свете видоизменяются, преобразуясь в знаковые системы или просто знаки. В качестве примера можно привести понятие трансформации, понимаемое по-разному семиотиками права и юристами. Обратным примером является перенесение постмодернистских клише типа «смерть субъекта» и «смерть автора» в теоретический аппарат правовых наук (например, науки о авторском праве).

Франсуа Ост и Мишель ван де Керхове справедливо отмечают, что сочетание приемов, характерных для интердисциплинарного, трансдисциплинарного и плюридисциплинарного изучения права высвобождает универсальные структуры значения и открывает дорогу для взгляда на право со стороны, взгляда, свободного от влияния правовой догматики. Этот взгляд присущ и семиотике права, которая широко использует, комбинирует и заимствует приемы других наук.

Стоит начать с того, что перенесение понятий, присущих философскому понятию «постмодернизма» на материю права – задача не из легких, поскольку следует учитывать особенную специфику юридического. Во-первых, ключевые условия и характеристики постмодернизма воспринимаются сквозь призму модернизма, причем многое, как уже было сказано, зависит от того, что понимают под постмодернизмом – логическое отрицание отрицание или дальнейшую эволюцию модернизма.

Дихотомию «постмодернизм-модернизм» естественным образом дополняет и развивает набор понятий «структурализм-постструктурализм», особенно если учесть ярко выраженные французские коннотации этих понятий. Поэтому нужно задуматься над тем, если в праве столь же эксплицитно выраженные, антагонистические, но в то же время взаимодействующие «течения мысли». При беглом взгляде на теорию права, в глаза бросается очевидная оппозиция понятий позитивизма и т. н. школы «натурального права». Несмотря на то, что позитивизм и естественное право являются основными водоразделами теории права, оппозиция позитивизма и натурализма, безусловно, это деления несколько иного рода, нежели модернизм-постмодернизм. Гораздо более уместной аналогией деления на постмодернизм и модернизм можно считать дихотомию «позитивизм»/ «постпозитивизм», поскольку последний, вполне в духе традиции сосюрровской семиологии, склонен исходить из посыла, что центральное место в объяснении права должно принадлежать лингвистическим теориям. Язык-основа познания права, поэтому юридические факты не могут существовать вне юридического языка. Во-вторых, юридический постпозитивизм опирается

на идею рационального дискурса, тщательно и бережно отбирая крупинки рационального в юридическом дискурсе. Наконец, последователи идей постпозитивизма при анализе языка правовых текстов придерживаются герменевтических стандартов. Однако даже эта аналогия в известной мере условна, поскольку в постпозитивизме видят прежде всего развитие лингвистического позитивизма (преимущественно в его витгенштейновской трактовке), а не отказ от фундаментальной традиции юридического позитивизма. Очевидно, что подобное восприятие отнюдь не равнозначно видению постмодернизма как диалектического преодаления, отрицания проекта модернизма.

В достоверности этого умозаключения можно убедиться на примере современного осмысления диспута между двумя философами права, а именно, между Г. Л. А. Хартом и Р. Дворкиным. Безусловно то, что Харт атаковал «истинный юридический позитивизм», особенно в связи с разделением морали и права в учении довоенной позитивистской философии права (Hart 1980:828). Подобные воззрения Харта позволили некоторым американским ученым усмотреть в Харте первого «постмодерниста от права». Но ведь зачастую таковым традиционно считается и Рональд Дворкин, главный оппонент Дворкина в споре о возможности существования универсального «права на моральную свободу» (Dworkin 1980), права, свободного от утилитарного контекста и позитивистской оболочки. Сомневаясь в актуальности утилитаристского наследия Бентама и Миля, Дворкин тем самым отрекается от «священной коровы» юридического позитивизма, т. е. представления о праве как о средстве достижения максимальной пользы. В этом смысле он не только постпозитивист, но и антипозитивист. Поэтому, те люди, которые видят в Дворкине постмодерниста, настаивают на том, что учение Харта – по своей сути ревизионистский позитивизм, «мягкий позитивизм», который многие, пользуясь избитым ярлыком «пост», именуют «постпозитивизмом» [3] (в их числе Б. С. Джексон (Jackson 1991)).

Однако исходя из элементарных правил логики, всякое отождествление между двумя магистральными парадигмами современной философии права (позитивизм/натурализм, модернизм/постмодернизм) окажется поспешным. Слишком неопределенно отношение между позитивизмом (даже и в его смягченной форме) и постмодернизмом — явлением, чужеродным сточки зрения права; кроме того, разделение на позитивное право и право натуральное появилось задолго до популярной пары «модернизм-постмодернизм». Кроме того, причисляя столпов теоретической юриспруденции к той или иной парадигме, не стоит забывать о том, что взгляды многих из них нередко менялись коренным образом. Поэтому разумнее было бы говорить лишь о том или ином периоде академической деятельности конкретного ученого.

Тут дело в том, что понятие постмодернистского немислимо без концепции «модернистского». Самый простой путь самоопределения постмодернистской юриспруденции состоит в отмежевании от модернистских традиций правоведения. Позитивизм и натурализм – это две стороны одной медали: несмотря на свой антагонизм, внешне противоположенные тезисы позитивизма (*positivisme juridique*) и натурализма (*jurisnaturalisme*) дополняют друг друга, образуя вместе единое целое. Позитивистом может считаться любой исследователь права, придерживающийся эмпирического подхода, даже если в основе его эмпирического анализа лежат понятия, заимствованные из арсенала натурального права (например, права человека) (Grzegorzczuk, Michaut, Troper 1993:27—28). Позитивисты отрицают классическую онтологию права (оппозицию «должного»–«сущего») и классическую эпистемологию (тезис позитивиста – «реальность непознаваема»). Правовой позитивизм отказывается и от онтологической перспективы метода естественных наук, поскольку в правовых терминах онтологический объект изучения естественных наук нельзя верифицировать.

Например, констатирование смерти – это описание, медицинский факт наступления смерти. Использовать правовую терминологию при описании чисто медицинского факта было бы в высшей степени нелепо. Право интересует либо причины смерти (в случае насильственного лишения жизни), либо её последствия (утрата правоспособности и правосубъектности). Наконец, позитвизм не признает классического разделения теории и практики, размеживание права и науки о праве, и объективистскую аксиологию.

Благодаря своему неприятию многих философских понятий, позитивистский метод обретает «научность», но в контексте позитивистской традиции права это всего лишь синоним юридической точности. В контексте же семиотики права, вечный спор между сторонниками естественного права и позитивистами маркирует диллему разделения естественного (или же инвариантного) и возможного (вариативного) внутри правовой культуры (Jackson 1987). Бернард С. Джексон, будучи примерным последователем А. Греймас, безоговорочно принимает идею последнего о существовании естественных, универсальных инвариантов структур значения и переносит эти универсалии в сферу права (Jackson 1985). В структуре естественного права переплетены самые фундаментальные понятия, которые в том или ином виде можно найти практически во всех правовых культурах. Эти понятия практически не меняются в течении времени; позитивное право (читай: действующее право) всегда синхронично.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.